

Исповедник

**Церковные корни февральского
греха. Часть I**

Церковные корни февральского греха.

Часть I

Исповедник

Оглавление

- [Церковные корни февральского греха](#)
- [Церковные корни февральского греха. Часть II](#)
- [Церковные корни февральского греха. Часть III](#)
- [Церковные корни февральского греха. Часть IV](#)
- [Церковные корни февральского греха. Часть V](#)
- [Церковные корни февральского греха. Часть VI](#)

По моему благословению Синодальный сайт РосПЦ начинает публикацию объёмной работы А. Кузнецова на тему отступления русского народа от Бога и Царя в печально известном Феврале 1917 года. В самом её начале автор уместно ссылается на соборные постановления РосПЦ по этому вопросу. И призывает членов Церкви подключиться к этой же теме, с тем, чтобы всем церковным миром, то есть соборно, попытаться найти приемлемое для Церкви решение. И не просто найти, а, наконец-то ответить на извечные для жизни (и не только церковной!) вопросы: «кто виноват?», «где же правда?» и «как жить дальше?».

Совершенно естественно, что по ходу чтения работы А. Кузнецова, наряду с положительными отзывами и эмоциями у читателя возникнут и определенные сомнения или даже несогласие с автором. Что ж, ничего страшного нет. Ибо это вполне нормальное явление. Да и сам автор не претендует на личную мировоззренческую непогрешимость и безусловную истинность в последней инстанции. Это его личный взгляд на проблему в целом и он вправе его высказать на страницах нашего церковного издания.

Тема отступления от Бога и Царя в феврале 1917 года – тема острая и совсем не такая однозначная и ясная, как это может кому-то показаться с первого взгляда. Легковесный и поверхностный подход к этой теме ничего не может дать кроме скоропалительных выводов и ошибочных умозаключений. Тема эта болезненная и наисложнейшая.

Верхоглядство здесь недопустимо. И в разные периоды нашей послефевральской церковной истории она то разгоралась с новой силой, то опять затухала.

При её пристальном изучении невольно сталкиваешься с очень сильным смущением и недоумением, вызываемым позорным поведением Синода (и многих иерархов русской церкви!) того несчастного периода времени. И как бы перед ними не погрешить! И потом не проникнуться духом злобы! Как в духе (а не только по букве!) разобраться в Феврале, отделив, при этом плевелы от зёрен и в тоже время никого вольно или же невольно – несправедливо не осудив!? Прямо скажу - непростая задача для добывающегося и ищущего Божьей правды исследователя.

Многие церковные публицисты сегодня склонны думать о Феврале, как о начальной точке отсчёта нашего всенародного (и, прежде всего, церковного!) отступления от правды Божьей. И в конечном итоге, (вопиющих и до сего дня!) грубейших церковно-канонических нарушений и предательства - буквально всеми слоями общества, всеми сословиями - Царя-мученика и государственно-монархических интересов Российской Империи.

Другие же, церковные и околоцерковные теоретики, наоборот, считают Февраль надуманной темой и в своих многочисленных работах больше внимания уделяют Октябрю и мировому масонству. Полагая, что только в этих двух монстрах надо и искать причины нашего падения и современного церковного (и какого угодно!) прозябания.

Третьи мыслители, вообще, отрицают, какую бы то ни было, вину русского народа в феврале-октябре 1917 года и после. А обвиняют во всём, невиданном дотоле, грехе - одно лишь жидо-масонство и только.

Есть и иные мнения, о них (до поры, до времени!) умолчу.

На мой взгляд, авторская удача (и несомненная заслуга!) А. Кузнецова, а, следовательно, и православная ценность его труда, состоит в том, что ему, как доселе никому из церковных публицистов (по крайней мере, из известных мне современных авторов, пишущих сегодня на эту же тему) на примере церковного Предания, на примере церковно-историческом, государственно-монархическом и святоотеческом примере и (что весьма важно!), нисколько не выходя за рамки православного поля, с Божьей помощью, удалось показать и наиболее полно раскрыть тему Февраля в духе безусловного православного исповедничества и правды Божьей.

Сложность раскрытия темы заключается ещё и в том, что на протяжении почти двух тысячелетий Церковь, в своих канонах, так и не смогла догматически определиться с Православным Самодержавием. Отсюда теперь и возникают споры и разномнения, как по Февралю 1917 года, так и по Царской власти, вообще. Невольно задаёшься вопросом, почему же Церковь Христова не догматизировала Православное Самодержавие? Трудно ответить на этот вопрос. Высказываний Святых отцов Церкви, письменных и устных церковных Преданий - предостаточно, а догматически выверенной формулы нет.

Отвечая на этот вопрос, приходишь к мысли, к выводу, что, во-первых, невозможно всю церковную (даже и наиважнейшую!) жизнь перенести на бумагу. И, во-вторых, никто, видимо, ни из Святых отцов Церкви, ни разного уровня церковные Соборы и никто вообще из православных и в мыслях своих не допускал, что на рубеже 19-20 веков человечество сойдёт с ума и поменяет благословенное Богом Царство и Помазанника Его на нечто другое - такое мерзкое и такое сатанинское.

Других объяснений и ответов я не вижу, и не нашёл.

Да. Конечно же, земная Церковь Христова жила, жива и будет жить до скончания века сего. Однако жизнь жизни - рознь. Об этом-то сегодня и речь. И работа А. Кузнецова, мне думается, убедительно показывает эту существенную разницу.

Приятного всем прочтения!

И храни Вас Бог!

+ Митрополить Дамаскинъ.

Церковные корни Февральского греха.

Создание Архиерейским Собором РосПЦ Комиссии по вопросу о церковных отступлениях, имевших место в феврале-марте 1917 г, и мерах по их устранению, обязывает всех членов Российской Православной Церкви принять посильное участие в решении вопросов, поставленных перед Комиссией. Найти духовный, а затем и канонический выход из того тупика, в которую Русскую Церковь завел Февраль, возможно, с нашей точки зрения, только соборно, совокупными усилиями всех православных христиан, болеющих душой за Церковь и Отечество и желающих вновь видеть их под скипетром Православного Царя. Сложность стоящей перед нами проблемы исключает возможность отыскать её решение силами одиночек, какими бы духовными дарованиями и разносторонними знаниями они не обладали. Осознавая всё это, автор попытался рассмотреть в свете учения Святой Православной Церкви известные ему исторические и документальные материалы, чтобы внести свой вклад в решение февральской проблемы. Свои размышления и выводы он предлагает на суд взыскательного читателя, который также приглашается к дальнейшей углубленной и ответственной работе по поиску духовно верного и нравственно безупречного решения проблемы Февральского греха.

1. Событиям февраля-марта 1917 г, связанным с Февральской революцией и свержением

Самодержавной Царской власти, а также участием членов и учреждений Российской Православной Церкви в этих событиях невозможно дать правильную историческую и духовную оценку в отрыве от учения Святой Церкви о Православном Самодержавии, Симфонии Церкви и Царства и месте Православного Императора в Церкви.

2. Учение о Православном Самодержавии является неотъемлемой частью церковного Предания, и само понятие Самодержавия относится не к области политических доктрин, а к области церковного вероучения. Православная Церковь учит, что Православный Царь получает свои полномочия непосредственно от самого Бога; источником Царской власти является благая и человеколюбивая воля Божия, промыслительно избирающая Царя и поставляющая его на царство. *«Бог, по образу Своего небесного единоначалия, утвердил на земле Царя; по образу Своего небесного вседержительства устроил на земле Царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего... поставил на земле Царя наследственного»*, - пишет свт. Филарет (Дроздов), митрополит Московский [1]. *«Наш Царь есть представитель воли Божией. Его воля священна для нас, как воля Помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога»*, - говорит оптинский старец св. Варсонофий [2].

Получая свои властные полномочия от Бога, православный Царь и ответственность за свои действия несет только и исключительно перед Богом. Он ни с кем не разделяет ни своей власти, ни своей ответственности за царское служение. В этой независимости источника власти от кого бы то ни было кроме Бога, нераздельности этой власти ни с кем, и её неподсудности кому бы то ни было кроме как единому Богу и состоит Самодержавие православного Государя. Как получивший власть от Бога Царь не может по своей собственной воле сложить с себя свое звание или отказаться от своих обязанностей.

В силу богоустановленности царской власти подданные православного Царя обязаны оказывать ему послушание, исходя из того, что противление власти Царя есть противление самому Богу. *«Нет греха большего на земле, чем противление воле Помазанника Божьего»*, - утверждает св. Анатолий (Потапов) Оптинский [3].

Православная Церковь учит далее, что власть православного Царя есть власть теократическая. Царская власть *«по существу есть теократия; — богоуправление, при котором Сам Бог является управляющим через помазанного Им Царя»* [4], — объясняет свщмч. еп. Андроник (Никольский). Царь получает свою власть не как светский правитель, целью которого является достижение общественного блага, а как слугитель Божий, призванный утверждать христианские начала в земной жизни, направлять жизнь своих подданных к богоугодным целям и содействовать их спасению в вечности. Свою деятельность Царь подчиняет не временным земным задачам, а вечным божественным ценностям. Такое служение Православного Царя невозможно без точного знания этих ценностей, которые раскрываются в хранимом святой Церковью учении, хотя в исключительных случаях Царь может быть просвещаем от Бога и непосредственно - *«сердце Царево в руке Божией»* (Притч. 21:1).

Поэтому Православный Царь в своей деятельности не может не быть верным сыном Церкви, оказывающим ей полное послушание и исповедующим Православие во всей его чистоте. Св. Симеон Солунский разъясняет, что, вступая на Престол, Царь *«обязуется благоустроить и умиротворять Церковь и всех располагать к подчинению Ей и покорности, потому что и сам он свидетельствует Ей послушание и верность, приступая к страшным таинствам с главою непокровенною ... в знак того, что он будет идти по пути Божию, правому и неуклонному, ведущему в Царство Небесное»* [5].

Для прохождения своего служения Царь получает от Церкви специальное посвящение, принимая в таинстве миропомазания на Царство особые благодатные дары и становясь Помазанником Божиим и Священной Особой. Никакая другая государственная власть не признается Церковью богоустановленной, кроме как Царская власть Помазанника Божия. *«Если нет веры в то, что благодать для соборного творчества подается народу Божию только через Богопомазанника и что Господь, управляющий через него, не ошибается, то, в таком случае, не следует считать себя правоверным. Прогнать Царя можно только вместе*

с Господом, на нем благодатно пребывающим», - так объясняет учение Церкви св. прав. Иоанн Кронштадтский. «Помазанник, который управляет нами при особенном содействии от Духа Святого, есть помазанник, чрез которого управляет нами Сам Бог», - добавляет Макарий, Митрополит Московский[6].

Если Царь уклонится от Православия и отпадет от Церкви, то он тем самым теряет священный характер своей власти как ставший противником Богу и лишается Церковью благодати своего Помазанничества как осквернивший это таинство. В этом единственном только случае, когда Царь изменил Божественному закону и перестал быть Помазанником, его подданные освобождаются от всяких церковных обязательств по отношению к нему. Священное Писание говорит, что когда Царь Саул преступил повеление Господне, пророк Самуил, как представитель ветхозаветной Церкви, по указанию Божию помазал Царя Давида «и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после ... а от Саула отступил Дух Господень» (1 Цар 16:13-14). Законным Царем стал Давид, а Саул потерял божественное право царствовать над израильским народом. «Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя», - пишет Антоний IV, патриарх Константинопольский, - «Оных только царей отвергают христиане - еретиков, неистовствовавших против Церкви и вводивших извращенные догматы»[7].

Всю совокупность учения о Православном Самодержавии Церковь кратко выражает в 11-ом анафематизме, провозглашаемом Ею ежегодно в неделю Торжества Православия: «Помышляющим, яко православнии Государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению и при помазании на царство дарования Духа Святаго к прохождению великаго сего звания на них не изливаются: и тако дерзающим противу них на бунт и измену, Анафема!»

3. Православный Царь не является единственным, кто наделен Богом властью вести своих подданных через земную жизнь к вечному спасению. Такое же назначение в Церкви Христовой имеет и церковная иерархия. Царь и иерархия служат одной цели, но достигают её разными путями: церковная иерархия через внутреннее преобразование человека, православный Царь через утверждение его внешней жизни на христианских началах. Различие методов Царя и иерархии вытекает из различия природ Царства и Церкви: первое есть установление земное и ограниченное рамками этого мира, оно будет заменено на Царство Небесное после Второго Пришествия Христова; вторая же есть установление небесное, выходящее за временные и пространственные границы мира сего. Если православное Царство есть лишь земной образ Царства небесного, то Церковь Христова есть Царство Божие на земле.

Ввиду общности задач Царства и Церкви между ними не может не возникнуть теснейшего единения, которое, однако, не переходит в слияние из-за различия их природ. Церковь и Царство призваны сосуществовать неслиянно и нераздельно по образу соединения божеского и человеческого естеств в Господе Иисусе Христе. В идеальном случае, когда все подданные государства являются членами Церкви, а все члены Церкви - подданными православного Царя, интересы Церкви и Царской власти становится невозможно различить. Такое совпадение видимых границ Церкви и Царства приводит к появлению особого духовно-государственного образования, называемого Христианской Империей. В условиях Империи Царь зримо олицетворяет собою соединение церковного и государственного иерархических порядков, обладая достоинствами как главы государства, так и главы земной Церкви. Власть христианского Императора на земле это отображение власти Господа Иисуса Христа на небе, Который есть Великий Архиерей по чину Мелхиседекову, являющийся одновременно Царем царствующих и главой Церкви. Свт. Димитрий Ростовский говорит об этом так: «Лицо и сан Царя христианского на земле есть живой образ и подобие Христа Царя, живущего на небесах»[8].

В падшем мире осуществление идеала Империи является почти неразрешимой задачей. Случай Мелхиседека является уникальным, состоявшимся по особому промыслу Божию в неразрывной связи с грядущим пришествием Христовым, которое он преобразовал. В исторической практике совмещения одним человеком званий Царя и Первосвященника

достигнуть не удавалось. В реальности приходится иметь дело с двумя видами властей: властью государственной, представленной православным Царём и его слугами, и властью церковной в лице представителей церковной иерархии. Совокупность принципов, на которых осуществляется взаимодействие этих властей, получила в церковном учении именование Симфонии Церкви и Царства.

При Симфонии Царская власть всю свою деятельность подчиняет одной цели - всеми государственными средствами содействовать Церкви в деле приведения народа в вечное Царство Христово. В свою очередь Церковь спасение своих членов ставит в неразрывную связь с верным служением Царской власти, содействует ей в решении государственных задач и стремится освятить и христианизовать все стороны государственной и общественной жизни. Взаимоотношения двух иерархических властей в пределах сохранения симфонических отношений могут быть самыми разнообразными, но не должны нарушать следующие основополагающие принципы:

а) Независимость происхождения власти Царской и власти священства. Хотя Царь и приемлет освящение от Церкви в таинстве Помазания на Царство, но саму власть он получает не от Церкви, а от Бога. Ни Церковь сама по себе, ни тем более церковная иерархия не являются источником Царской власти. Равным образом, церковные иерархи свою священническую власть получают не от Царя, а от самого Господа Иисуса Христа через преемство рукоположений, восходящих к Апостолам.

б) Неравнозначность положений Царя и Первосвященника. В то время как Царь является единоличным носителем верховной власти в государстве, олицетворяющим собой всё Царство, никто из церковной иерархии, включая Первосвященника, не может обладать аналогичным статусом верховной церковной власти, олицетворяющей собой всю Церковь. Таковая власть в Церкви принадлежит исключительно Господу Иисусу Христу. С этой точки зрения Царская власть и власть священства принципиально неравнозначны, и в Симфонии Царства и Церкви Царь является ключевой и центральной фигурой, а Первосвященник - вспомогательной.

в) Царь не является носителем священнической благодати и совершителем таинств.

г) Хотя Церковь и имеет свою собственную структуру и органы управления, однако сам принцип Самодержавия, требующий единовластия, исключает возможность существования в одной монархии нескольких независимых властей, создающих ситуацию «государства в государстве». Поэтому церковное управление не может быть полностью самостоятельным и независимым от государственного. Такая свобода и самостоятельность в управлении могут быть предоставлены церковной иерархии только до определенного предела. Церковное управление не должно подменять государственного, а государственное церковного, однако верховная власть в государстве может быть только одна, и это власть православного Царя.

4. Существуют две исторически сложившиеся формы искажения Симфонии, называемые папоцезаризмом (папизмом) и цезарепапизмом.

Папизм представляет собой доктрину, где Царская власть признается подчиненной власти священства. Для папизма характерно стремление отождествить Церковь с Её иерархией (ересь клерикализма), а среди самой иерархии наделить Первосвященника (первого епископа) особыми божественными полномочиями, позволяющими ему единолично управлять Церковью, как епископ управляет своей епархией. В соответствии с такой установкой папизм усваивает Первосвященнику не только высшую церковную, но и высшую политическую власть, которую он временно передоверяет Царю для управления государством (теория «двух мечей»). В более мягких формах папизма место Первосвященника занимает церковная иерархия, но в любом случае в папизме Царь получает свою власть не от Бога, а от священства и ответственен перед последним за пользование этой властью. Папизм неизбежно приводит к возникновению параллельной государству независимой управленческой структуры, своего рода «государства в государстве», которое вступает в борьбу с Царской администрацией за первенство власти. Опыт показывает, что результатом такой борьбы является разрушение симфонических отношений и отделение Церкви от государства, что имеет губительные последствия как для

первой, так и для второго.

Другой формой искажения Симфонии является цезарепапизм. Для цезарепапизма характерна самодостаточность Царской власти, которая в своих действиях ни в чем не подчинена Церкви и рассматривает последнюю только как часть государства, занимающего определенную территорию. При цезарепапизме Царская власть свои цели не согласует с целями Церкви и Её вероучением, а наоборот требует такого согласования от Церкви, подчиняя Её в этом отношении государству. Носитель Царской власти при цезарепапизме теряет свое сакральное значение Помазанника Божия и становится светским владыкой. Он не нуждается в благословении Церкви на свое служение, не имеет перед Ней никаких обязанностей и даже вообще может не принадлежать к Ней. В конечном итоге цезарепапизм приводит к превращению Церкви в составную часть светского государства, где Она не играет никакой самостоятельной роли.

Исторический опыт показывает, что наиболее разрушительные для Православной Церкви последствия несет с собой папизм.

Цезарепапизм может по настоящему развиваться только на почве протестантизма, отрицающего благодать священства и божественное происхождение церковной иерархии, а не в Православии, где никакой Царь не может вторгнуться в сакральную жизнь Церкви, не отрекшись сначала от своего Православия. Неправедный Царь может причинить Церкви внешнее насилие, но не может повредить Её божественную природу, как не имеющий в Церкви никакой священнической власти и не обладающий вероучительным авторитетом только в силу своего Царского сана. Поэтому цезарепапизма, как догматически и идеологически обоснованной системы, в Православии никогда не существовало и не могло существовать. На практике цезарепапизм был безсилен повредить природу Церкви, а лишь причинял Её внешние стеснения.

Напротив, папизм приводит к внутреннему перерождению Церкви, превращая Её из благодатного Дома Божия в человеческую организацию, в которой власть основана не на благодатном посвящении, а на особом иерархическом положении возглавителя организации. Последний для поддержания своей власти и единства организации вынужден обратиться к мерам принуждения, для чего либо подчиняет себе государственный аппарат насилия, либо создает свой собственный, внутрицерковный. В обоих случаях природа Церкви совершенно извращается, Она становится земной организацией, стремящейся подменить собою государство. Папизм принципиально несовместим с идеей Царской власти как самостоятельной силы, почему неизбежно вступает с ней в разрушительную борьбу, открывающую дорогу к власти как над Церковью, так и над государством антихристовым силам. Поэтому папистские настроения церковной иерархии представляют собой гораздо большую опасность для Церкви, чем стремление Царей к расширению своих церковных полномочий.

5. основополагающим вопросом для правильного понимания Симфонии, а также истории Церкви в константиновскую эпоху является вопрос о месте Царя в Церкви. В отличие от папизма, причисляющего Царя к мирянам и тем самым лишаящего его, как и прочих мирян, каких-либо церковных полномочий, Православная Церковь рассматривает Царское служение как разновидность священно-церковного, а самого Царя как особый церковный чин. *«Всякий законный царь имеет священнический чин»*, - говорит св. Ириней Лионский [9]. Собор 448 г. в Константинополе приветствовал Феодосия II, как первосвященника и императора [10]. Отцы III Вселенского Собора признали в св. Маркиане священника и императора, победителя в войне и учителя веры. По общепризнанному церковному воззрению Царь является епископом внешних дел Церкви, который обладает всеми полномочиями епископов за исключением священнодействий. *«За исключением священнодействий, Император совмещает в себе все остальные привилегии епископов, на основании которых его церковные распоряжения получают каноническую важность»*, - писал архиеп. Константиноу Кавасиле в XIII веке Болгарский архиеп. Димитрий Хоматин. [11]

В свой церковный чин Царь возводится через особое церковное таинство венчания на Царство, совершаемое за Божественной Литургией, которое включает исповедание Царем Православной веры, коронование Царя, помазание его святым мвром и причащение в алтаре по священническому чину. Находясь в достоинстве епископа внешних дел Церкви, Царь и в дальнейшем причащается наравне со священнослужителями только в алтаре. Особое положение Царя в Церкви подчеркивает и тот факт, что разрешение причащаться в алтаре распространяется и на особ женского пола, занимающих Царский престол, тогда как супруга Царя такой чести не удостоивается.

Венчанный на Царство Помазанник Божий соединяет в своем лице Церковь и Царство, приобретая сакральные черты священства и не утрачивая при этом функций главы государства. Св. Симеон Солунский, разъясняя, почему после мвропомазания Царь входит в алтарь и занимает место между священниками, говорит, что эта честь *«дается Императору как помазаннику Господню и предызбранному Богом Царю христоименитого народа. Как благочестивейший, он и причисляется к освященным лицам в Церкви»*[\[12\]](#).

Исторически церковные полномочия Царей не было строго обозначены и, за отдельными исключениями, канонически закреплены. В зависимости от обстоятельств они то расширялись до права издавать догматические и канонические определения и исправлять богослужебный порядок (св. Константин Великий, св. Феодосий Великий, св. Юстиниан), то сужались лишь до обязанности блюсти внешнюю безопасность и материальное благополучие Церкви, но никогда не оспаривались Церковью в принципе. *«Царь занимает высокое место в Церкви», - пишет Антоний IV, патр. Константинопольский, - «он не то, что другие поместные князья и государи. Цари упрочили и утвердили благочестие во всей вселенной; Цари собирали Вселенские соборы; они же подтвердили своими законами священные каноны о благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей; наконец, Цари вместе с соборами определили порядок архиерейских кафедр и установили границы митрополичьих округов и епархий»*.[\[13\]](#)

Наглядное представление о месте Царя в Церкви дает расположение частиц на дискосе при совершении Проскомидии, которое символически изображает всю Церковь Христову. Частица, вынимаемая за Царя, уступает по размерам только богородичной частице и располагается выше частиц, вынимаемых за патриархов. Поэтому знаменитый канонист патриарх Феодор Вальсамон утверждал, что *«сила и деятельность Императора простирается и на душу и на тело подданных, тогда как Патриарх есть только духовный пастырь»*[\[14\]](#), а архиеп.

Болгарский Димитрий Хоматин писал, что *«Император стоит выше соборных определений и сообщает им силу и действие. Он есть вождь церковной иерархии и законодатель по отношению к жизни и поведению священников; он имеет право решать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантные епископские кафедры ... Его постановления имеют силу канонов»*[\[15\]](#).

Православное богословие в целом отвергает западную точку зрения на Симфонию Церкви и Царства как на публично-правовой союз двух независимых субъектов, регулирующих свои отношения посредством разного рода договорных соглашений. В Православии Симфония это не союз двух правовых единиц, а единый церковно-государственный организм, в котором нет различия между Церковью и Царством, а есть лишь распределение полномочий и обязанностей между духовной и государственной властями. Этот организм должен охватывать весь христианский мир, а в идеале и всё человечество. При таком понимании Симфонии Царская власть не есть некая внешняя для Церкви сила, полномочия и область действия которой начинаются за оградой Церкви, а сила, действующая изнутри самой ограды. Церковь и Царство соединены настолько тесно, что всё, осуждаемое Церковью, не имеет права на существование и в государстве, а враги государства признаются врагами Христа, а стало быть, и Церкви. При таком взгляде на Симфонию не остается никаких предпосылок для возникновения ни папизма, ни цезарепапизма, которые возможны лишь там, где Церковь и Царство понимаются как самостоятельные образования, связанные друг с другом не

внутренними, а внешними связями.

6. События февраля-марта 1917 г нельзя рассматривать в отрыве от истории симфонических отношений Церкви и Царства в предыдущие столетия и того факта, что Русское Царство самодержавных Царей всегда осознавало себя духовным и историческим преемником христианской Византийской Империи в контексте концепции «Москва - Третий Рим». Это преемство идеалов Империи как всемирного христианского Царства и православного Императора как защитника и покровителя Вселенской Церкви красной нитью проходит через всю русскую историю, начиная с XV века, и даже XVIII век с его секулярными идеями не смог перечеркнуть эти идеалы, с новой силой проявившие себя в XIX столетии. Поэтому характер и основные проблемы церковно-государственных отношений Византии были унаследованы Россией, хотя в последней они и имели свои особенности.

При изучении истории этих взаимоотношений, как в Византии, так и в России, православный христианин обязан учитывать то обстоятельство, что подавляющее большинство исторических изысканий на эту тему написано во второй половине XIX - первой половине XX века, т.е. в период широкого распространения антимонархического правосознания, массового разрыва с церковным Преданием и господства либерально-масонских исторических концепций.

Общепринятый в современной исторической науке и церковной публицистике взгляд на отношения Церкви и Царства в Византии, при которых Император стоял во главе Церкви, как на «цезарепапизм» сформировался в результате повсеместного усвоения (часто неосознанного) указанного модернистского, либерально-масонского, узкопартийного псевдо-церковного мировоззрения.

7. Основой византийской системы церковно-государственных отношений, заложенной ещё св. Константином Великим, являлся взгляд на Царство и священство как на два различных вида служения, имеющих единый Источник и преследующих одну и ту же цель - Царствие Божие. Этот взгляд был развит св. Императором Феодосием Великим, официально закреплён в новеллах св. Императора Юстиниана и принят Церковью. Византийская Империя (Второй Рим) была наследницей языческой Римской Империи, от которой переняла её теократическую традицию соединения верховной политической власти Императора с его религиозной властью в качестве pontifex maximus. С обращением св. Императора Константина в христианство эта традиция получила христианское переосмысление. Если для язычников Империя являлась религиозной ценностью сама по себе, то для христиан ценность земной Империи состояла в её связи с Царством Божиим, когда земное царство является средством приуготовления к вхождению в Царство Небесное. Византия понималась как священная земная Империя, сохраняющая соотношение иконы и первообраза — Царства Небесного, и благочестивый её Император представлял Бога перед людьми и людей перед Богом. Хотя в Христианской Империи Царь лишился своего божественного статуса, но сохранил сакральное, божественное значение своей власти, высшей целью которой стало служение Богу. Император перестал быть богом, но оставался носителем образа Божия на земле, сделался главой всего христианского мира и отвечал перед Богом за спасение своих подданных. Поэтому, когда место языческого культа заняла Христианская Церковь, то Император сохранил в отношении Неё свое прежнее главенствующее положение и свои полномочия за исключением возможности священнодействовать и вероучительной непогрешимости.

В языческой Империи божественный статус Императора делал его высшим законодателем и судьей, неподчиненным никаким другим законам и судам. В христианской Империи высшим Законодателем и Судией являлся Господь Иисус Христос, а Император, хотя и продолжавший стоять выше человеческого суда и закона, сделался подвластным Закону Христову. В своем объяснении 18-го псалма св. Амвросий Медиоланский утверждает, что Императоры не должны подчиняться закону, однако, комментируя слова Пс. 51:4, тот же святитель говорит: «...хотя

законы и находятся во власти Императора, и он может нарушать их без наказания, он все же должен подчиняться Богу»[16]. Положение Императора было в этом отношении настолько исключительным, что под анафему Церкви мог попасть любой церковный чин: папы, патриархи, величайшие богословы (Ориген), учителя-подвижники (авва Евагрий) и т.д., и только Императоры никогда не были официально осуждены Церковью, даже те из них, которые держались ереси.

Таким образом, в Византийской Империи Царь понимался как наместник Бога на земле, который утверждает Его Закон, он являлся единственным законодателем, при условии, что его законы согласуются с Законом Божиим. Император издавал законы по всем вопросам, включая и церковные, и эти законы принимались Церковью как обязательные правила, если, конечно, они не противоречили уже имеющимся канонам. Так, например, именно св. Император Юстиниан своими новеллами определил возраст, ранее которых невозможно рукоположение в епископский, пресвитерский и диаконский сан, и эти правила действовали в Церкви задолго до того как Она закрепила их в канонах. Церковь, хотя и могла управляться по своим правилам, но они не были узаконены, пока Император не утвердит их. Сборники церковных законов в Византийской Империи носили характерное название Номоканонов, от слов *nomos* - закон (императорский) и *kanon* - правило (соборов или Отцов).

Только Император мог придать решениям церковных соборов силу закона. Даже такие чрезвычайные церковные органы как Вселенские Соборы созывались исключительно по желанию Императоров, а зачастую и по их инициативе для общецерковного обсуждения тех или других вопросов. Император назначал время и место для составления таких Соборов, нередко председательствовал на них и закрывал их по разрешению тех задач, для которых они созывались, а равным образом принимал меры к поддержанию порядка на соборах.

Императорская власть являлась центром не только государственного, но и церковного единства. Сама Церковь, как кафолическая и всеобщая, видимые границы которой совпадают с пределами Римской Империи, не могла обойтись без общепризнанной центральной власти, которая бы олицетворяла единство Церкви, решала бы важнейшие церковные дела, и издавала бы важнейшие церковные распоряжения. Такой властью не могли быть высшие епископы (патриархи, папы) потому, что власть каждого из них в отдельности простиралась лишь на определенный территориальный округ. Не могли быть таковой властью и Вселенские соборы, потому что это был институт чрезвычайный, а не постоянный, решавший к тому же вопросы веры и отчасти церковного законодательства, а не вопросы управления. Поэтому в Византийской Империи центром постоянной общецерковной власти, пекущейся о всей Церкви, издающей законы и распоряжения, обязательные для всех церковных инстанций, естественным образом стала императорская власть. Свт. Лев, папа Римский, в письме к Императору Льву I-му так определяет полномочия Царя: *«Царская власть сообщена тебе не только для управления миром, но особенно для охранения Церкви, чтобы ты, обуздав некоторые дерзости, и добрые постановления защитил и истинный мир восстановил там, где было возмущение»*[17]. Император стоял во главе как государственного, так и церковного порядка, и в отношении к нему епископы были такими же помощниками в области духовного управления, какими были высшие царедворцы в области светского. За первым епископом (папой, патриархом) признавался нравственный и духовный, но не юридический авторитет. Когда внутри Церкви возникали серьезные разногласия по различным вопросам, в обязанность Императора входило созвать собор и, председательствуя на нем, решить вопрос, придав ему силу закона. Эта система не была идеальна, как не может быть ничего идеального в падшем мире, но она была оптимальна как с теоретической, так и с практической точек зрения. Все епископы имели равную власть по благодати, и поэтому ни один из них не мог претендовать на главенство. Главенствующее положение самим ходом событий приобрел Император — Государь всей христианской Вселенной. Церковь должна быть единой в вероучении, а государство являлось опорой этого единства. Поэтому естественно и логично, чтобы во главе государственного и церковного порядка стоял один человек - православный Император.

Возражения против такого положения вещей и проповедь о превосходстве священства над Царством раздавались или из рядов преследуемых Царской властью еретиков (Донат, Несторий, монофизиты) или только тогда, когда, как в иконоборческие времена, Императорская власть в силу разных причин оказывалась не на стороне Православия. В остальное же время в отношении статуса Императорской власти господствовало единодушное согласие в том, что св. Григорий Палама выразил словами: *«Ты судил им царствовать над жребием твоим и над земной Церковью Твоею. Ты поставил их защитниками Церкви, покровителями Твоего наследия, хранителями нашей веры в Тебя»*^[18]. Исключительное положение Императора отразилось и в иконографической традиции: вплоть до XIX века на иконах Вселенских Соборов Император изображался во главе и выше всех иерархов, причем даже тогда, когда он исторически на Соборе не присутствовал.

8. Противоположные принципы церковно-государственного устройства Империи пытался утверждать на Западе Римский первосвященник - Папа. Римские первосвященники в силу ряда исторических причин, а также принятого ими догмата о первенстве апостола Петра над другими апостолами и о преемстве Римского епископа в правах апостола Петра встали на ту точку зрения, что общепризнанным центром церковной власти, обеспечивающим единство Церкви, должен быть не Император, а Римский епископ.

Мысли о превосходстве духа над материей, души над телом, небесного над земным, священства над царством, высказывавшиеся как на Востоке, так и на Западе, в разное время разными лицами по разным поводам, были возведены Западным богословием в целую систему, при этом государство и Царская власть достаточно произвольно отождествлялись исключительно с земным, а Церковь и священство исключительно с небесным. Если на Востоке тезис о превосходстве священства над царством понимался только в духовном смысле, в контексте протеста против вмешательства императорской власти в вероучительные и догматические споры, то в Риме он стал пониматься как главенство Римского престола и в политической области. В представлениях западного христианства земное государство есть явление греховное по своей сути и останется таковым всегда, если не поставит себя на службу государству небесному, т.е. Церкви. Это понимание Церкви именно как государства, как единой монархии, в которой все духовное господствует над всем светским, является отличительной особенностью Римского богословия. Церковь при таком понимании есть общество неравное: клир в этом монархически устроенном обществе есть высшее сословие, наделенное особыми чрезвычайными дарами Божией благодати и имеющее исключительную способность и исключительное право учить, освящать и управлять, тогда как миряне суть низшее сословие, повинующееся клиру. Главой этой духовной монархии является Римский папа, которому предоставляется вся полнота власти. В совокупности с воззрением на Императорскую власть как на чисто светскую власть, за которой не только отрицается всякий духовный и священный характер, но и самостоятельное назначение - быть органом божественного мироправления, такой подход к проблеме церковно-государственных отношений привел Римских епископов к следующим выводам:

а) Императоры и короли являются мирянами, а значит, они не могут иметь какой-либо правительственной власти в Церкви. Императорская власть должна была устранена от участия в замещении епископских кафедр, издании церковных законов и созыве церковных соборов. Соборы должны созываться только папами, и санкцию соборным постановлениям должны давать тоже только папы. Императорская власть не может привлекать клир к светскому суду, и вообще каким бы то ни было образом вмешиваться в духовные дела, при этом граница между духовными и недуховными делами определяется исключительно усмотрением духовной власти.

б) В делах государственных Император должен руководствоваться законами, учением и указаниями Церкви, или, что то же самое, представляющего Церковь священства, без послушания которому никто не может спастись. Иными словами, воля Божия, которую должен исполнять Император, есть воля Церкви, а воля Церкви есть воля священства, которую в совокупности олицетворяет и выражает Римский первосвященник. В руках его находятся те

два меча, духовный и светский, о которых говорится в Евангелии (Лук. XXII, 34 и сл.) и которые якобы были переданы Спасителем св. апостолу Петру. Но непосредственно Первосвященником осуществляется только власть духовного меча, а светский меч Христос повелевает Первосвященнику вложить в ножны и передать его Императору, который должен действовать им как защитник Церкви, но руководствоваться при этом не своим разумением, а следуя указаниям Первосвященника.

в) Симфония Церкви и Царства, выражающаяся в единстве государственного и церковного порядков, возможна только в том случае, если во главе того и другого порядка встанет Римский епископ. Политическая власть Императора не имеет самостоятельного источника, она проистекает из власти Римского Первосвященника. Только в силу церковного помазания и коронования императорской короной, возлагаемой Папой на Императора, последний получает свою императорскую власть. Образно говоря, светская власть светит не собственным светом, а заимствованным, подобно тому, как из двух поставленных Богом небесных светил, солнца и луны, последняя заимствует свой свет от первого.

г) Законы, издаваемые Императорской властью в противоречие церковным требованиям, могут быть отвергнуты Папой, как недействительные. В случае неисполнения требований Церкви (т.е. Папы) Императорской властью последняя может быть, по усмотрению Папы, передана другому лицу. Император или король, уклонившиеся от правого пути, могут быть лишены своей должности, а подданные их могут быть освобождены от присяги на верность в отношении к ним.

Для обоснования данных положений Римские первосвященники привлекли не только извращенно толкуемые места Писания, но и целый ряд исторических фальшивок, вроде подложного «Константинова дара» или «Лжеисидоровых декреталий», в которых доказывалось превосходство власти Пап над Царской властью. Но, несмотря на значительную теоретическую проработку, все эти положения не могли быть осуществлены, пока власть византийского Императора распространялась и на западные области Империи, а Церковь оставалась единой. Только с захватом западных провинций Империи германскими племенами франков и появлением там новых государств, что совпало по времени и с расцветом иконоборчества в Константинополе, Римские епископы получили возможность для практического претворения в жизнь своих идей. После коронации Папой вождя франков Карла Великого Императором Западной Империи и политического, а затем и церковного разрыва с Византией, на Западе началось созидание всемирной иерократической Империи на указанных выше принципах. Эта попытка построения Симфонии на изначально порочных основаниях закончилась исторической катастрофой: борьбой за власть Пап и Императоров, следствием которой явилось сначала господство на Западе идей цезарепапизма, как своего рода реакции на папизм, а затем, как логичное развитие идей цезарепапизма, - и совершенное разрушение церковно-государственного единства. Последовало отделение Церкви от государства, с превращением последнего из христианского в масонско-демократическое, и полное вытеснение религии из публичной сферы в частную жизнь граждан. Судьба Западной церкви и западных монархий убедительно показывает, что никакой альтернативы Симфонии в том виде, в каком она сложилась в ранне-византийский период Империи, ни исторически, ни практически не существует.

9. Главными проблемами Симфонии в Византийской Империи являлись переоценка Императорами своих церковных полномочий и сильные папистские настроения Константинопольских патриархов, занявших господствующее положение в церковной иерархии после захвата восточных Патриархатов арабами и политического разрыва Рима с Константинополем.

Император не мог не заботиться о единстве Церкви и о поддержании в Ней порядка: церковные разделения означали и разделения в Империи. Религиозное сознание Империи не знало самого понятия «внутренних» дел Церкви, в реальности они не могли быть отделены от «внешних» дел государства. Не византийский «деспотизм» и не стремление к «цезарепапизму»

заставляли Императоров часто и решительно вмешиваться в церковные дела, а печальная необходимость. Сплошь и рядом при возникновении тех или иных споров епископы не могли договориться между собой, разделяясь на несколько враждующих группировок. Раз за разом Императоры должны были вмешиваться, чтобы примирить их или сделать выбор между ними, при этом зачастую сами епископы просили или даже требовали от Императора такого вмешательства. Но среди ожесточенного столкновения религиозных партий Императоры нередко оказывались на стороне неправомыслящей партии, которую они считали православной, и обращали карательный аппарат Империи против православных, которых ошибочно принимали за еретиков. В других случаях, в основном перед лицом внешней угрозы, требующей церковно-государственного единства, Императоры сознательно стремились своими указами в принудительном порядке примирить религиозные взгляды партий и прекратить споры. Такая политика неизбежно приводила к конфликту и преследованию защитников Православия, не желавших поступиться истиной ради единства. Наиболее известны случаи св. Афанасия Великого, св. Максима Исповедника и св. Феодора Студита.

Но, несмотря на этот недостаток Имперской системы, никакой реальной альтернативы ей не существовало, если не считать «альтернативой» Римский папизм. Имперская система, созданная свв. Феодосием Великим и Юстинианом, предоставляла Вселенской Церкви единственно возможный механизм соборного принятия решений по важнейшим догматическим и вероисповедным вопросам и обеспечивала единство Церкви. Это осознавалось всеми, и те же самые лица, кого возмущали преследования православных со стороны Императора и его «вмешательство» в церковные дела, охотно прибегали к помощи императорской власти и требовали «вмешательства», когда нужно было принять административные меры против еретиков, ибо без помощи государственной власти очистить Церковь от ересей и пресечь еретическую проповедь было просто невозможно. Гарантией же от цезарепапизма Императоров служила их принадлежность к Церкви, на Писание, Предание, каноны, соборы и таинства. Которой Императоры не считали себя вправе посягать, страшась лишиться как царского венца, так и вечного спасения. Императоры, хотя и осознавали себя ставленниками Божиими, но ни сами себя не считали непогрешимыми, ни никто другой их таковыми не считал.

10. Вторая опасность для Симфонии исходила от некоторых Константинопольских патриархов, которых соблазнял пример Римских епископов, сосредоточивших в своих руках высшую церковную власть и подчинивших себе западных государей. Эти патриархи не желали удовлетворяться теми широкими полномочиями государственного характера, которыми они были наделены в византийском церковно-государственном организме, а претендовали на равное положение с Императором или даже стремились возвыситься над ним. Аргументация в пользу духовного и политического превосходства Константинопольских патриархов над Царями опиралась примерно на те же доводы, что и у римских папистов, и на те же исторические фальшивки («Константинов дар» и пр.), что и на Западе. Особенную опасность византийский папизм приобрел в последний период существования Империи, когда после отпадения Рима и потери территорий трех восточных патриархатов столичный Патриарх оказался фактически первым епископом Империи.

В ряде документов этого времени наблюдается постепенное переосмысление отношений Церкви и Царства, и в Симфонии Царя и Церкви место последней начинает занимать Патриарх. Фигура Патриарха у византийских папистов приобретает исключительное значение. Он признается, ни много ни мало, земным олицетворением Спасителя, ему принадлежит исключительное право суда и управления всей Церковью, а также право толкования церковных постановлений и правил Вселенских Соборов. Император, как лицо якобы светское, не имеет в Церкви никаких прав, у него есть лишь политическая власть, а духовная принадлежит Патриарху. В ведении Царя находятся только тела граждан, в ведении же Патриарха их души. Поскольку превосходство души над телом было аксиомой, не подлежавшей никаким сомнениям, то отсюда византийские паписты делали вывод о превосходстве священства над

царством, Патриарха над Царем и даже о признании Патриарха источником политической власти. Восточные «папы» точно также как и Римский епископ претендовали на единоличное управление всей Церковью и безусловное признание своего высшего вероучительного авторитета, а по отношению к государству по примеру Папы требовали от Царской власти подчинения себе и вступили с ней в борьбу. В пылу этой борьбы константинопольский папизм совершенно не отдавал себе отчета в том, что его противоборство с Царской властью подрывает силы последней и тем самым ставит под угрозу существование самой Империи, крушение которой в первую очередь ударит именно по Церкви, ибо оставит Её беззащитной перед лицом воинствующего ислама.

Окончательного торжества папизма и разрушения Симфонии на Востоке не произошло только потому, что восточные кандидаты в «папы» почти всегда встречали мощное противодействие в лице благочестивых Императоров. В этом отношении Императоры, хорошо осознававшие божественное происхождение своей власти и обязанность быть блюстителями Церкви, играли роль Удерживающих не только внешние силы зла, но и силы внутрицерковного отступления в лице честолюбивых архиереев, желавших быть «викариями Христа».

Хотя восточный папизм и был мягче западного, однако, его несостоятельность в качестве альтернативы традиционной Имперской системе и его разрушительный не только для государства, но и для Церкви характер не подлежат никакому сомнению. Это особенно стало ясно после падения Византийской Империи. В этот период восточный папизм, уже не сдерживаемый императорской властью, получил возможность воплотить свои мечты в жизнь. Под властью турок Константинопольский патриарх, сохранив свой титул «вселенского патриарха» и власть над остальными поместными Церквями, приобрел и статус гражданского правителя всех православных христиан Османской империи. К удивлению самих теоретиков папизма практическим результатом этого стало духовно-нравственное разложение Церкви: открытая и всеобщая симония (продажа церковных должностей, включая и патриарший престол), частая смена Патриархов (только в XVIII веке за 73 года в Константинополе сменилось 48 патриархов), денежные поборы с населения в пользу епископов и т.п. Таким образом, борьба Римского папы и Константинопольского «вселенского патриарха» с Императорским престолом за ложно понимаемую «независимость» Церкви явилась одним из решающих факторов крушения Византийской Империи — Второго Рима. Если Римский папизм разрушал Византию внешне, организовав на Западе собственный вариант Империи и навязав её государям извращенную систему церковно-государственных отношений, то Византийский папизм своей борьбой за «права Церкви» убивал остатки Империи изнутри. «Свобода» и «независимость» от Императорской власти дали восточным «папам» не свободную Церковь, а церковно-гражданское гетто, находящееся под игом иноверцев. «Свободная» Восточная церковь смогла выжить в последующие века исключительно благодаря заступничеству, покровительству и помощи Самодержавной власти Русских православных Царей и Императоров.

[1] Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского: Слова и Речи, Москва, 1885, т. 5, с. 126-127.

[2] Старец Варсонофий Оптинский. Келейные записки. Москва, 1991, с. 44.

[3] Кн. Н.Д. Жевахов. Воспоминания товарища Обер-прокурора Святейшего Синода. М. 1993, т.1, с.128.

[4] Епископ Андроник (Никольский): Русский гражданский строй жизни перед судом христианина или основания и смысл царского самодержавия, М., 1995, с. 17.

[5] Ф.Курганов: Отношения между церковными и гражданскими властями, Казань,1880. стр. 77-78.

[6] Православно-догматическое Богословие. Макария, митрополита Московского. Спб, 1895, том 1, изд. 5.

[7] Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, ed. F. Miklosich et J. Muller. t. II.

Vindobonae, 1862. p. 192.

[8] Творения иже во святых отца отца нашего Св. Димитрия Ростовского, б.г. С-Пб., изд. Сойкина с. 991.

[9] Буквально: Πάς βασιλεὺς δίκαιος ἱερατικὴν ἔχει τάξιν. Contra Haer. lib. IV. cap. VIII. n. 3.

[10] Acta Conciliorum /Ed. E. Schwartz. Berolini, 1933. Т. II. V. 1. pars 1. p. 138.

[11] Ф.Курганов: Отношения между церковными и гражданскими властями, Казань, 1880, с.85

[12] Ф.Курганов: Отношения между церковными и гражданскими властями, Казань, 1880. с. 79.

[13] Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, ed. F. Miklosich et J. Muller. t. II. Vindobonae, 1862. p. 190.

[14] Павлов А.С. Курс церковного права. - Св. Троице-Сергиева Лавра, 1902, с. 468-469.

[15] Павлов А.С. Курс церковного права. - Св. Троице-Сергиева Лавра, 1902, с. 469.

[16] Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Dumbarton Oaks Studies. Washington, 1966. V. 2. P. 679

[17] Деяния Вселенских Соборов. Казань, 1893. Т. 4. С. 495

[18] Gregoriou tou Palama, Syggrammata. t. 5. Thessalonike, 1992. s. 270